

Страна Испания, вернее, та её часть, что именуются Андалусия, имела... не то, чтобы честь, и не то, чтобы счастье, но уж смело можно сказать, имела такую возможность принять в своих, овеянных средиземноморским бризом пределах, скромную группу

Нас пятеро представителей современной русской культуры, среди коих по первости надо назвать маститого московского писателя, критика и литературоведа Владимира Григорьевича Бондаренко, затем романиста из Балашихи Дмитрия Конахныхина, поэта из Южно-Сахалинска Владимира Семечкина, калужского прозаика Максима Яковлева и известного театрально-педагога Ларису Соловьёву.

Время и место делают нас причастными данному лику вечности.

Что касается времени, то хотелось бы исходить из определения "время — это люди", а, проще говоря, каковы люди, таковы и время, и в этом смысле наше время (в своём глобальном выражении) сильно уступает по качеству предыдущему, но в частном, конкретном случае с Андалусией обстоит всё же не так печально (о чём впереди).

Что касается места, то место и впрямь любопытное: почти на стыке Европы и Африки, у самого Гибралтара, — как место соития двух континентов и двух водных стихий: средиземной коллыбели европейской цивилизации и её атлантической альтернативы, то есть Старого и Нового Света.

Что касается "данного лика вечности"... он был как обычно прощальным на шемящей ноте безмятежной и вольной праздности, словно разлитой здесь по щедрому умыслу Эпикура, и со вкусом обставленной пальмами, прогулочной набережной, пляжами, ботаническим парком с экзотическими растениями, узкими пешеходными улочками, вымощенными, каждая по своему, чистыми гладкими плитками (ходящих, как в помещении), сотнями ресторанчиков и пивных заведений, сувенирными лавочками и магазинчиками для всего, что зовётся "шопинг", комфортом звёздных отелей с вежливым вышколенным персоналом, и прочим и прочим... И самый воздух, нежно обволакивающий ветерком твоё лицо и одежды, и самый ритм перемещения в этом пространстве — от плавных авто до расслабленного колдоброжения отдыхающих гомосapiенов, слетевшихся сюда со всех континентов, — всё зовёт, всё уминаяет тело и душу к бренному беспамятному блаженству.

Как тут не разомлеть русскому человеку?... Не случайно этот кусочек земли полюбили когда-то морским пиратам, да что пиратам, здесь любил отдыхать и Гарсия Лорка, и великий сказочник Андерсен...

В добавление к "данному лику" не обойтись без исторического экскурса, где легко отыскать следы некой печати праздности, как бы изначально наложенной на эти лакомые места. Римская империя оставила здесь в первом веке нашей эры свой фирменный амфитеатр — рассадник зрелищ и удовольствий, чьи развалины сохранились до сего дня, и уж наверняка падикие до всякой неги патриции раскинули тут свои виллы со всем присущим им шармом. На смену римлянам в пятую веку явились вестготы и, надо думать, не преминули воспользоваться таким подарком. Но в восьмом веке нахлынули сюда арабы (мавры), употребив камни и плиты амфитеатра при строительстве замка-крепости Алькасаба, в стройный ансамбль которого входила известная зона беззаботного времяпрепровождения, они же построили неподалёку и шикарный дворец Альгамбра для всевозможных и наисладчайших утех своего султана. Потом их вытеснили испанцы, сплоная оценчившие завоеванное великолепие, в том числе, и мавританские бассейны, и бани, и, в знак своеобразного возрождения духа античного амфитеатра, возвели в Малаге подобный ему театр ("Ла Малагуэта") — арену для боя быков, корриды, ставшей одним из главных символов этого города.

Разумеется, всегда были и есть те, кому выпало в жизни ловить здесь рыбу, собирать урожай в виноградниках и оливковых рощах, делать вино, вышивать ткани, украшать резьбой дворцы и храмы, торговать и разгружать корабли в порту, и еле сводить концы с концами... Но, в конце-то концов, должны же быть где-то и "райские уголки", где можно предаться упоительному безделью, а иначе зачем оно всё вот тут: этот чудесный климат, этот дивный залив, этот мерный покой, эти бесчелные карнавалы, эти пляжи, бани, бассейны, пивные и рестораны, этот отлаженный, как по нотам, сервис? В самом деле, разве не для того запущен весь этот чортот мировой прогресс, заточенный во имя грандиозной идеи: эволюционного преобразования "человека труда" в "человека досуга", а, стало быть, ради обретения сим последним полной свободы путешествий и развлечений? Что может быть выше, цивилизованнее, интеллектуальнее? Люди ездят по свету, ищут, где получить реализовать свой досуг, знакомятся с местной дикинойкой, разбегаются по музеям, духовно обогащаются. Отчего бы не съездить?

Съездить можно, но жить в этом... В России-то нашей оторвёшься от грядки, а хоть и от писменного стола, да окинешь душою-глазом — эх-ма! всё, что ни есть, полевое, цветущее, поющее, да родное тугачье небушко с журавлями... Тут тебе и вся наша литература, все драгоценные имена нашей культурной сокровищницы...

Что касается культуры, то Малаге достаточно было родины великого Пикассо, чтобы было чем гордиться и что предьявлять на алтарь мирового искусства. Помимо Пикассо, это родина непревзойдённого тореадора Антонио Ордоньеса, заколовшего, говорят, три тысячи быков за свою карьеру; всю жизнь он соперничал со своим коллегой по ремеслу из Севильи знаменитым Домингином. Здесь же в Малаге обнаруживаются следы и дружившего с Ордоньесом Эрнеста Хемингуэя, чей роман "Опасное лето" (основанный на противостоянии двух великих тореадоров) вышел в 1960 году — в том самом году, когда родился ныне здравствующий (малагеец? малажанин?) Антонио Бандерас — звезда Голливуда.

Вообщем, этот край подарил миру несколько действительно громких имён, среди коих — великий поэт Федерико Гарсия Лорка, уроженец городка Фуэнтевакерос, что рядом с Гранадой, в которой он жил и учился. Там же творил художник, скульптор и архитектор, тоже славный сын Гранады, Алонсо Кано — его называют вторым после Веласкеса испанским живописцем семнадцатого века.

Ну, и как пройти мимо Мигеля де Сервантеса Сааведра, исколсившего и исхидившего всю насковозь Андалусию в должности комиссара по закупке провианта для королевского флота, а позже сборщиком податей, и как не восхититься тем фактом, что именно в Андалусии его, сидевшего здесь в тюрьме по обвинению о расстрате казённых денег (которые отдал на хранение в местный банк, а банк возьми да и погни), осенила мысль о похождениях "рыцаря печального образа" Дон-Кихота! Первый раз он попал за решётку в 1592 году в Кастро-дель-Рио (недалеко от Кордовы), а второй — в 1597 году в Севилье. Вот там-то на нарах (или что у них по подобно?) и вынашивался у него, увечного пятидесятилетнего кормильца семьи, гениальный замысел, что лишний раз (как и в

посланице (хотя, зачем нас посылать, ежели мы и сами безропотно согласились?), нет, скорее всё-таки, группу представителей из разных уголков нашей, как всегда непонятной уму, и, как всегда раздираемой между бытом и бытием, России.

случае с Достоевским) "отливает в граните" истину: большого писателя začínает большое страдание. И, в то же время, внешняя несвобода взрывает свободу внутреннюю!..

Интересно было оказаться со своим духовным самоваром здесь, в этой наслоенной иными историческими веками чужой культуре, что, впрочем, мало повлияло на содержимое родимого самовара, может быть, по причине кратковременности визита. (Из этого можно сделать вывод о том, что за темы варились в нашей межкурсовой дискуссии, и по какому принципу ведётся повествование.)

Лета здесь много и долго, аж целых восемь месяцев в году: с апреля по ноябрь. Милая коротенькая зима. Изобильное, без жёсткого пекла, лето. Что ещё нужно человеку, чтобы встретиться... Варианты: старость, радость, праздность, страсть...

Вот потому-то, видать, России и противопоставлена этакая прорва лета: нас постоянно под-

Максим ЯКОВЛЕВ

Русская дискуссия на фоне Андалусии

моразивать надо, а то протухнем. Кстати, и вся литература наша тоже, чей лозунг: мыслить и страдать. А в таком райском состоянии много не настрадаёшь. Ведь и войны тут проходили и горя всякого мыкали андалусийцы за двадцать лет с плюсом веков, включая наполеоновское нашествие и режим Франко, но сержанька-то в том, что наша среднестатистическая деревенка за каких-нибудь неполных полвека раза в два лише хлеба этого удовольствия, стывну жилищами... Поэтому без зимы никак. В малагском филиале Русского музея экспозиция живописи русских художников (в том числе советского периода) удивительно и умно составлена из четырёх разделов: по временам года. Но больше всего иностранцев именно в разделе "зима" — там наша главная загадка. И наше спасение гиперборейское. Оттого и уцелели до сей поры. Оттого и к солнцу неровно дышим, и чем меньше его, тем сильнее чтим.

Солнца тут и вправду в изобилии; первое впечатление при въезде в город — это полнота и покрывала на всех, без исключения, окнах и лоджиях, обращённых к югу, — едва колышутся выцветшими заплатками на фасадах. Солнечное время. Солнечные люди... На одном из зданий в Малаге памятная доска: "Ни в какой части Испании я не чувствовал себя таким счастливым...". Слова Ганса-Христиана Андерсена, особо отметившего дружелюбие и приветливость обитателей здешних мест, среди которых он чувствовал себя, как дома. И не найдётся такого из нашей группы, кто не поверит в это.

У великого сказочника была мечта о личном знакомстве с Пушкиным, они были современниками.

Три имени будут витать над нами. Сервантес, Пушкин и Достоевский. Достоевский никогда не написал бы здесь "Бесов".

Андалусийцы улыбочивы и открыты, с ними не ждётся подвоха. Любят праздники — религиозные и народные, и участвуют в них, от мала до велика, со всей ответственностью и самоотдачей. Их общая страсть — игра в лотереи, коих здесь раскулают целыми паками. В Испании к жителям Андалусии относятся с некоторой долей иронии, их принимают за беспечных простаков с небольшими запросами и, как бы, небольшого ума... Самыми рассудительными и деловыми безоговорочно признают каталонцев, а утончённые, и с большими запросами, по преимуществу, все в Мадриде.

И, конечно, солнечный темперамент. Андалусийки всякого возраста, при всей деловитости, скромны и общительны, но, что бы ни делали, — в них, как сок в апельсине, играет праздник, готовый прорваться наружу — дай только повод. Мужчины могут быть как угодно добрыми и услужливыми, но в каждом чувствуется тот барьер, через который он ни за что не переступит в ущерб своему достоинству. Достоинство, скрытое за неизменной учтивостью — вот перед чем охотно снимаешь шляпу!

В испанском языке есть такое мужское обозначение — "кабальеро". Достаточно произнести это вслух, и многое станет ясно. Здесь презирается извращение любого цвета, любых оттенков...

И, конечно, цыганщина — в самом невинном и радужном смысле этого слова. Она брызжет тут в темпераменте, говорливости, одежде, в цветке, приколотом в волосах... Цыганам здесь благодать.

И всё это немислимым образом сочетается с безупречной религиозностью.

Вечером первого дня душевно было посидеть всей компанией за столиком уличного ресторанчика, вкушая с гарниром приятельской болтовни основное блюдо под названием: "Самая великая книга всех времён и народов". Библия не рассматривалась по причине недосягаемости конкуренции. Но, что из авторского? Перебирались Данте, Толстой, Достоевский, Гёте, Томас Манн, Гомер, Свифт, Рабле, шекспировский "Гамлет", Шолохов... Современность не фигурировала, даже Маркес. А всплыл "Дон Кихот"! С какой стати? Всё очень просто: миллиарды людей никогда не прочтут этой книги, но на вопрос: кто такой Дон Кихот? ответят уверенно, — спросите любого на улице, а всё потому, что его потрясающее ёмкий образ вошёл в духовную плоть человечества. Он живёт (и давно уже) вне этой книги!.. Ну, коли такой критерий, то почему бы не "Одиссея"? Может быть, первый по-настоящему художественный образ в мировой литературе, и тоже вошёл в нашу плоть и кровь. Тогда уж чем хуже Андерсен с его "Олеванским солдатиком" и "Гадким утёнком"? Нет, сказки не в счёт, не туда уйдём, хотя нельзя не признать... Простите, а "Гамлет" не соответствует? Ещё как! Слишком трагичен, кровав... Разве "рыцарь печального образа" не трагичен? Смешон и трагичен. И всё-таки, как без "Войны и мира" Толстого... Да, "Война и мир", раздутый, натуженный объём, когда-то его читали, теперь невозможно, одно имя осталось... Без Достоевского как-то несерьёзно...

Достоевский силён и глубок, и всё копаёт, причём, после смерти, но что-то мешает возвысить его "лопату" на этом конкурсе, даже странно... "Идиота" своего так идиотом и оставил в психухе, не вытщил. А князь Мышкин случайно не дитя Дон-Кихота? Нет, он с Христа писал, но что-то есть... Можно и в Гамлете найти при желании. Не хватало ещё сюда Павлу Корчагина... Вот если автора выбирать, а не произведение, тогда Фёдор Михайлович имел бы все шансы... Достоевский всё же больше философ. А Дон-Кихот — это поплёт!..

Пальма первенства досталась Сервантесу. Наконец-то прозвучал и Булгаков. "В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой"... Вот он и "шаркнул" своей "Маргаритой"... "Чтобы знали", сказал перед смертью. А что нам знать-то? Что зло правит миром на пару с добром? Что зло мудрее доб-

ра?... Скорее, что не существует ни зла, ни добра в чистом виде, как и положительного героя в литературе, — Гоголь, и тот чуть не свихнулся, сжёг второй том "Мёртвых душ", Чичикова хотел в идеального перековать... Никто не смог, невозможно. В лучшем случае идиот получается. А Пушкин справился! А что у Пушкина? Гринёв у Пушкина. Пожалуй. Верно. Пивка бы ещё заказать...

На десерт был русский роман: "лучший из лучших". Предлагали "Братьев Карамазовых", "Тихий Дон", "Мёртвые души", "Жизнь Арсеньева"... Нежданно добавилось "Жизнь Клима Самгина". Заставило задуматься, переварить... Горький хорош, но коли по высшей мерке... Промелькнули Мережковский, Набоков, Платонов, Распутин... И вдруг "Обломов" — по критериям "Дон-Кихота". А? Bravo! Образ русской души. Емок, блистательно... Всё так, но требуется несмысленная простота, пилотаж экстра-класса — все слагаемые... Тогда ничего не сыскать равного "Капитанской дочке". Дышит каждая строчка. Сюжет, динамичность картин, характеры, величие замысла, и, наверное, самый светлый герой во всей русской литературе... Никто не возражал. Но повенчали с "Героем нашего времени". Два на вершине, недосыгаемые. Чуть поодаль и Достоевский, —

воздали его "Карамазовым", правда, с условием переделат финал с Алёшей: хлипкотел больно. Рядом зацелованный Николай Васильевич со своими "Душами", и туча "Тихого Дона". На этом подвели черту. Суперпризы закончились. (Лев Николаевич с Солженицыным и Булгаковым грустно глушат "анисовую"...)

Дмитрий Конахныхин, Максим Яковлев, Владимир Бондаренко, Лариса Соловьёва

Литературный процесс продолжался и вспыхивал в промежутках солнечного безделья: в музее Пикассо... за вечерним пивом с вяленой сахалинской корюшкой... всенепременно в салоне микроавтобуса... естественно, в университете Гранады... на пляже в Марбелье... по пути в Москву...

Отлично сохранившийся дом-музей Пикассо потряс своим атриумом — внутренним двориком, и изысканной балюстрадой на втором этаже (непростое гнэдышко!), но больше, увы, ничем. Пикассо и его отеческий дом — это синоним несовместимости. В этих стенах мог бы вполне зародиться какой-нибудь мореплаватель, общественный деятель, композитор. Трудобы куда уместней для бунтаря, в смысле бедности. Тут же Горький... С другой стороны, все революции замешивались белоручками или довольно сытенными господами. Перед смертью он скажет, что занимался тем, что дурачил людей. Эпатаж гения. Но присутствует и немало ведро правды. По крайней мере, глядя на некоторые работы из музейной экспозиции (среднебной, без шедевров) такая мысль приходила в голову. Зато удалось сформулировать очевидное: любое произведение, где найденный приём (манера, стиль) начинает превалировать в ущерб эстетике, постигает утрата красоты и гармонии, и, как следствие, дискредитируется само искусство. Прекрасного уродства не бывает. Однако, безудержное поклонение имени (сверхраскрученному бренду), производят действие невероятное: любая калыка-малыка оценивается на вес золота. Но катастрофически хуже, когда это возводится в ранг шедевра!.. Тем не менее, Пикассо гениален, он как никто раздвинул границы живописи и рисунка. Его вершины — "голубой" и "розовый" периоды, и виртуозная графика (чего стоит "Дон-Кихот и Санчо-Панса"). Хотя, по-настоящему великая картина всего года. Это "Герника".

Мысль о великом провожала до выхода из музея, и вдруг, по-цыгански, увязалась за нами... То, что Пикассо гений, даже смешно обсуждать. Но можно ли короновать его великим? Ответ повисает в воздухе. Не всё гениальное автоматически великое, и не всякий гений ност венек великого. Сия коллизия вызвала шквал эмоций. А вопрос-то не праздный...

Всё упёрлось в критерий: что есть великое произведение? С гениальностью более-менее ясно, словари трактуют гениальность как "высшую творческую способность", а Пушкин ещё короче: "парадокса друг", согласно платоникам, это, своего рода, уникальный непостижимый творческий акт от озарения свыше. Гениальное по-новому освещает, объясняет, раскрывает человеческую сложность. С великим труднее. Мы блуждали в определениях, подобно нашему несколько рассеянному хождению в лабиринте малагских улочек... Что-то принималось, что-то нет. Великое способен сотворить только гений, точнее, его гениальность — без этого "толпила" махине замысла не взлететь, не преодолеть земного притяжения. Великое — то, что остаётся в веках, в отличие от многого уже забытого гениального-частного. Великое возвышает и очищает. Великое зовёт к добру. А если ко злу? Разве нет произведений великой бездны? великого зла? великого низкого и порочного? Нищие, Вольтер, Рабле, Джордано Бруно, Маркс... Ставить рядом в статусе великого бага героического и убийственного? Тут — или-или. Или в произведении нет никакого зла, или в нём нет ничего великого... Всё же, представляется, надо искать точку опоры. Впрочем, что искать всем известное. Библия: Ветхий и Новый заветы. Неоспоримо. Даже ниспровергатель Толстой признавал её Книгой книг. А коли так, то всё подлинно великое (вышедшее из под руки человеческой), в том или ином, либо питается ей, либо перекидается с ней, либо отражается в ней, либо произрастает из неё, и так далее, причём, вне зависимости от места создания, вероисповедания и расовой принадлежности автора, и срока создания произведения — до появления Книги или после неё. Пушкин с тем только и написал "Моцарта и Сальери", чтобы раз и навсегда узаконить лично им выстраданное: "Гений и злодейство — две вещи несовместные!". В злодействе нет гениальности, следовательно, ему не под силу великое...

И был вечер, и было утро... Ранним утром, довольно свежие и торжественные, отбываем на запланированную встречу в университет Гранады. Дорога летит и ве-

село влечёт нас по Андалусии, по её гористому протяжению в серо-зелёном шлейфе оливых и виноградных полей, прерываемых иногда белыми попутными городками... Бессмертный идальго явно несётся рядом на своём Росинанте, словно в назидание нам о роли героя в литературе. Наша русская романная литература (в отличие от былинной и сказочной) на редкость скудна героями: эпическими, славными, пафосными, монументальными. Единственно, кого можем выставить в чём-то сопоставимого — Тарас Бульба. Остальные, прямо сказать, весьма проблемные, — что Онегин, что Печорин, что Чичиков, что Обломов, что Анна Каренина, что Григорий Мелехов, не говоря уж о Иудушке Головлёве с братьями Карамазовыми... Истерзаннные, изломанные, трагические, несчастьные. Фёдор Михайлович, так тот просто чемпион по таким героям, кто и роман, то и герой. Но нет у нас ни своего Дон-Кихота, ни своего Тихя Уленшпигеля. Что-то не выплывает у нас, хоть тресни, героический персонаж, притом, что наша история сплошь гремит и бурлит героями, и какиими!.. Правда, есть ещё Василий Теркин, но почти забыт, как и Павла Корчагин, а герои не должны забываться. Так и это ещё не беда. Беда в том, что "все мы (господа сочинители) вышли из гоголевской "Шинели"", вот, как

"вышли", так и пошли лепить "маленьких человечков" (Горький здесь здорово преуспел, а за ним едва ли не вся советская литература, да и нынешняя в ту же ноздрю)... А Гоголь-то всего лишь хотел сказать, что недостойно обращаться с ничтожеством человеку — вышему созданию Божью, из-за какой-то шинели, этого фети-

ша, этой жалкой мечты Башмачкина — всего его существа. И сколько у нас таких "башмачкиных" развелось, теперь и в жизни, — от олигарха или министра, до мелкой офисной пешики... Показательно, что величие и высшее оправдание образа Дон-Кихота в том, что он не воспринимается человечеством этаким впаившим в детство придурком, нет! Благородный рыцарь идально победил над собой обывательскую насмешку, и пригвоздил издёвку резонёра — он бьётся и будет биться всегда и везде за правду, честь, и достоинство человека.

Шестого июня, в два часа пополудни, университетский актовый залчик едва заполнился теми, кто смог пожертвовать временем сессии ради нескольких русских, сидящих напротив в приподнятом сценной и Пушкиным состоянии. Испаноязычные преподаватели, студенты, переводчики (по убавляющей численности) слушали пишущих на языке Александра Сергеевича в годовщину его рождения, слушали вежливо и местами отзывчиво развернувшуюся прямо у них на глазах дискуссию, вернее, её публичное продолжение...

Любопытн... было бы услышать мнение Пушкина (по преимуществу) есть история семьи, а история семьи есть история России, чьё бытие определяет отнюдь не сознание, а как раз бессознательное, в просторечии — дух, духовное состояние, имеющее непосредственную связь с Божественным замыслом, а отсюда и все наши немощные распытия и восресения, вся наша ширь, и вся наша дурь со всею, непосильно для разию, непредсказуемость... На чём, в общем, и зиждется писательская одарённость — что русская, что советская; в чём и отличия нашей национальной литературы от любой другой. И, предупреждая вопрошания зала, последовали конкретные примеры и имена в зависимости от предпочтений, впрочем, вполне предсказуемые для русского уха, а вот для испанского так не вполне, что естественно.

Но спросили: как надо писать? И что-то надо ответить. Или говорить, не баржу тащить: ну, ясен день, интересно, без интереса (в том числе, и самого пишущего) никакой сюжет не прокатит; ну, ясен день, талантливо (сие не расширяется), но признаётся или не признаётся), а то, как же без этого, всё равно, что промашку жевать. В добавку накадили, то есть, ввелили загрузку весомыми тем и добычу глубинных смыслов, и всего того, что запросом может накидать любой мало-мальски читатель. Но чуть было не упустили главное: посягающий своим сочинением на чьё-то личное время (бесценное и невозвратное!) несёт персональную ответственность за уговоранные и загубленные часы и минуты человеческой жизни... Казалось, уже перешли к другому вопросу, так нет же, озвучилось нечто подобное ушату не-тёплой воды на головы. Ни с того, ни с сего (хотя, именно что с того и сего), ухнуло в зал обвинение современного общества как совершенного негодного материала для создания чего-то соизмеримого с классическими образцами предшественников. Мы стали слишком уж одинаковыми, не увлекательны, не глубоки, не крылаты... Напрочь вымерли народные типажы, природные самородки и самоцветы, так откуда взяться героям! Героям с большой буквы. Стерпеть такое было нельзя, и, как бы вторя пушкинской строфе (неизбежно, как там в Севилье, но здесь, в Гранаде, случилось), "раздался стук мечей". Материала человеческого полно! Читайте Захара, а есть и Шаргунов, и Проханов, и Личутин, и Михаил Тарковский... А были, — ещё и след не простыл, — Распутин, Белов, Солженицын, Астафьев, Шукшин... Пусть так. Тогда придётся наивно отрицать всеобщую европеизацию уравниловку и единые стандарты "общества потребления", признать это мифом и чепухой. Людские характеры всё так же выпуклы и самобытны, и никогда не иссякнут, ни в жизни, ни в печатном слове, как не иссякнет и само печатное слово, несмотря на засилие всяких там электронных носителей и чудовищного интернета!

На этом донкихотском аккорде все сидящие встали, и взаимная благодать пролилась ливнем аплодисментов...

Благоприобретённый градус воодушевления от встречи привёл нас сначала к памятнику Пушкину в пышущем солнечной зеленью сквере, где испанский и русский языки купались в пушкинской поэзии, отражаясь зеркально сти-

хами Александра Сергеевича, а после привёл (посредством заведующего кафедрой греческой и славянской филологии Энрике Керо Хервильи) в один из местных ресторанов, где мы были гостеприимно и благодарно насыщены изумительно сочным "бычим хвостом", а градус воодушевления всенепременно дополнился градусом виноградной лозы...

День Пушкина заканчивался обратной дорогой, в ходе которой "солнце нашей поэзии" едва не затмилось поэтической звездой Лермонтова, чья гениальность поставилась выше в своей духовности: "Выхожу один я на дорогу..." — это уже иной уровень. Но явилось вдруг пушкинское, не менее потрясающее: "Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит — Летят за днями дни, и каждый час уносит Частичку бытия...". На свете счастья нет, но есть покой и воля...". И дуэль закончилась миром; умудрённый духовной зрелостью Пушкин передал свою свечу молодому Лермонтову...

За день до возвращения в Москву нас завезли на празднество в Марбелье, и был громаден барабанов звук, — в центральном парке завелось веселье...

Улыбались даже строгие полицейские. Женщины старшего и пожилого возраста (с карменской грацией вертели юбками в национальных платьях, и в волосах у них горели розы. Мужчины и мальчики в традиционных белых рубашках и чёрных штанах, перехваченных красным поясом, с великолепной серьёзностью и синхронностью на протяжении двух часов (а может и больше) отбавили простой, как кирпич, барабанный ритм: бум-бум, бум-бум-бум...

Таким мы застали "День города" в приморской Марбелье (Морской красавице), славной своими фешенебельными дачами и супер-престижными яхтами. Но общедоступные пляжи жили своей неизменной веками жизнью, чем мы и стремились воспользоваться. Как дети, мы зависали полплавками на спинах волн; нас по-матерински баюкало и качало Средиземное море любви, так хотелось, чтобы — любви!.. Колыбель мировой истории, заставшее на своих берегах цветники европейских, африканских и восточных культур, ставшее лоном рождения Слова Евангелия, — всё побережье его исходило христовы апостолы, просвещая ценой своей жизни народы приморские... К нам подошёл человек и сказал на ломанном русском, что за пользование лежаками надо платить. На вопрос, как он высчитал русских, ответил: "У вас же крестики". Единственное наше отличие от окружающих. Имел ли крестик на шее Сервантес? Пушкин носил, и Фёдор Михайлович тоже. Их всех объединяла общая установка: нельзя было врать в искусстве слова. То, чего не понимали правители. Смута 1611 года стартовала с неправды об убийством царевиче Дмитрии (в "Борисе Годунове" как раз об этом)... Некогда с малой лжи начинались малые войны; ныне время большой и тотальной лжи. Лгут улыбочивые политики, лгут со знанием дела учёные, но горше всего от лжи художников: в театре, в кино, и в слове. Впрочем, придётся признать, что Эпоха Великого Симулякра — подмены истинного, ничем не препятствует людям купаться и загора, играть песочком и мило трепаться о пустаках. В этом смысле пляж — территория честности, хоть и внешней: все твои анатомические особенности наглядны и неоспоримы.

Люди плещутся в Средиземном... В разных его местах уже кроветочили Сербия, Ливия, теперь и Сирия. Неужели нас ждёт Средиземное море крови?

Но всегда в войне побеждает правда... Чего нельзя сказать в отношении к литературе, а конкретной, к любому классике, ибо нет бесправнее существа среди авторов. Какой-нибудь заноханный режиссёрский (не говоря уж о признанном мэтре) запросто, без капли сомнений и угрызений совести (что подтверждается отсутствием оной), раздирает на клочки роман или пьесу, укорачивает, кроит, как ему вздумается, чужое произведение (зачастую искажая, перемня его идею и смысл), вставляет инородные тексты и так далее. Всё это негласно (неизвестно, кем и когда?) узаконено, и повсеместно принято к исполнению, без всякого на то позволения самого драматурга или писателя. Их не спрашивая, их незываемое право на собственное сочинение не признают. Но если такое позволено продлевать со всяким произведением, попробуйте, например, взять картину знаменитого живописца, вырезать из неё кусок и переставить в другое место или заменить его новым из картины другого художника, или что-то дописать на этом полотне по-своему... Пискому и в голову не придёт. А с романом и пьесой — пожалуйста! У режиссёра, видите ли, свой ракурс, он так видит... Не возьмите его постановку, кинофильм, и перемонтируйте его, так, чтоб рожки да ножки остались. О, какой вог! Писатель выносил, выстрадал в слове слово, незаметную правду, и скроил и составил её в сто раз продуманном и переделанном виде, и поставил точку. На этом всё. Хочешь ставить фильм или пьесу, бери и ставь так, как есть — от буквы до буквы, ибо это не твоё, но чужое. На чужое не посягай. Коли автор не дал на то разрешения и не оговорил того в заведении, значит в его творении ничего ни убавить, ни прибавить — ему виднее. Это его святое право. Не нравится? Съядь и сотвори своё, и ешь его с хреном...

Завершающий день поездок предоставил нам на прощание только утро; всё дальнейшее продолжение суток займёт дорога домой.

До отъезда в аэропорт предстояло скоротать полтора часа. В отеле я собрал свои вещи, вышел последний раз пройтись по уже знакомым улочкам... Меня опять удивили "сеньором", и трижды за прогулку (в сувенирной лавке, в магазинчике, и в кафе) спросили, с выражением беззачинности своей догадки: "руссо?". Чем уж таким я преумножил своею национальную идентичность, воистину необъяснимо. Другое дело, когда однажды вечером мы забили поухнуть в одну приглянувшуюся ресторану, в которой наши уста, поглощающие материальное, с не меньшим вкусом источали вслух нематериальные имена наших классиков, а чаще всех Достоевского, то, видимо, этим вызвали любопытство обслуживающего нас испанца, он всё же отважился подойти к нам, и, получив утвердительный ответ на своё "руссо?", причмылся с мобильным телефоном, чтобы сделать на нашем фоне несколько селфи. Мы уже рассчитались и собирались уйти, как тот же испанец подсколил к нашему столику с почти умоляющим взглядом: "моменти!", он убежал за барную стойку, мигом вернулся оттуда с бутылкой отличного ликёра, и расставил перед каждым маленькие стаканчики, — тем самым давая понять, что нас, бубнящих что-то о Достоевском, угощают за счёт заведения.

Прощай, Малага... Нам было приятно здесь, на твоих узких уюженных улочках, и в солнечный полдень, под навесом, за дружеской кружкой пива, и в остояющийся томный вечер, превращающий твои старинные кварталы в сплошное, говорливое и многолюдное уличное кафе, куда, кажется, слетаются в эту пору языки всего мира, чтобы под звон бокалов забыть о расправе.

И ещё спасибо тебе за наше общение, за от- решённые минуты покоя, за это обманчивое чувство невероятности большой войны...

(Полная версия — на нашем сайте)